

М.Б. ПИОТРОВСКИЙ

ПРАВОВЫЕ ТУПИКИ МУЗЕЙНОЙ ЖИЗНИ

В связи со 120-летним юбилеем хотелось бы поздравить и вручить памятный адрес Красноярскому краевому краеведческому музею от Союза музеев России. Мы очень любим и ценим ваш музей, в частности, как генератора новых идей.

А теперь, если позволите, я начну с таких спорных фраз: «Культура привыкла жить на широкую ногу, теперь меценаты ей не дают денег». И «К большим деньгам в культуре уже привыкли».

Да, правда, было несколько лет, когда мы стали жить чуть-чуть лучше, чем прежде, но какой это вызывало резонанс!

На самом деле уходят не спонсоры – уходит государство. И это серьёзный вопрос. Наша же позиция такова: если государство не может или не хочет помогать музеям, пусть хотя бы предоставляет им большую свободу. Приспосабливаться же к рыночным реалиям наши музеи уже научились, поэтому разговоры о кризисе нас не касаются. Этот кризис не наш, мы в долг деньги не брали и виртуальный бизнес не организовывали. В постсоветской России «кризис» – любимое слово. Кризисов у нас было много, один из них – жесточайший кризис на протяжении 10 лет. Главное, он научил нас, как в этих условиях жить, а кризисы приходят и уходят.

Необходимо вспомнить о том, какую роль играет культура в условиях кризиса. Я не раз говорил, что она может играть роль той этической силы, которая поддерживает человеческий дух, помогает выжить.

Учреждения культуры в любом случае никуда не денутся. Музеи работали и будут работать. Точно также будут работать театры. Пока неизвестно, какой степени неприятности нас ожидают. Вероятно, они будут серьёзными. Но в общих чертах ясно, как из кризиса выходить, тем более, что это предстоит делать всем миром. В 1990-х было гораздо сложнее, тогда ощущалась полная бесперспективность. Казалось, что конца падению не будет, всё рухнет. Когда я говорю, что мы защитили музеи от приватизации и разбазаривания, многие считают это преувеличением. На самом деле мы стояли на грани катастрофы. Культурное наследие вполне могло

перейти в частные руки, не раз поменять владельцев и уйти за границу.

В состоянии полной бесперспективности оставалось одно – спокойно работать. У людей это создавало ощущение, что музеи, театры – костяк культуры – сохраняют стабильность. Более того, театральные и музейные эксперименты, которые придумывали деятели культуры, помогали выжить.

Что значит выживание учреждений культуры для городов, регионов?

Это рабочие места. Мы никого не увольняем и увольнять не собираемся. Другое дело, что у нас маленькие зарплаты, а увольнение грозит людям с очень большими зарплатами. Всегда возникало недоумение от того, что клерк в банке должен получать больше, чем доктор наук, работающий в музее.

В сфере культуры сохраняются рабочие места, а для горожан остаётся возможность потребления доступных ценностей. Да, вы не сможете купить машину, но прийти в музей на выставку сможете всегда. В театрах и в филармонии сейчас тоже доступные билеты. Всё это создаёт оптимистический настрой и ощущение, что трудности пройдут, как это уже не раз бывало.

Поэтому особые надежды мы возлагаем на новую систему оплаты труда, которая, если мы сумеем правильно с ней разобраться (что пока не очень получается), даст большие возможности руководителям учреждений для наших структурных изменений, позволяющих сохраниться нашей автономии, в которой мы все заинтересованы.

Ещё один важный момент. Экономика культуры будет работать в условиях кризиса, потому что это экономика, сочетающая государственные, частные деньги и собственный заработок. Может быть, изменится соотношение сумм. В последние годы мы получали 60-70% государственных субсидий, добавляли собственные заработки и привлекали средства доноров. Вероятно, средства доноров сократятся. Правда, пока этого не произошло и мы продолжаем получать гранты. И государство на этот год все обязательства выполнило.

Музейная экономика – часть инфраструктуры города. Повторюсь, одновременно она создаёт оптимистическую атмосферу, рабочие места и недорогое потребление. Музей может работать в условиях кризиса и потому, что не берёт кредиты. Большая экономика построена на кредитах. Все стали процветать и брать огромные кредиты. Теперь многие не могут их отдать. Музеи же по одежке протягивают ножки.

Думаю, культура в XXI веке будет влиять на экономику больше, чем она это делает сейчас. Другими словами, образованный человек лучше руководит учреждением, принимает более правильные решения. Кризис покажет, где принимались правильные решения, а где нет. Скорее всего, больше ошибок будет у людей малокультурных.

В условиях кризиса культура в очередной раз должна показать, что она яв-

ляется лучшей идеологией и лучшей национальной идеей. Она генерирует экономические идеи, не слишком прибыльные, но функционирующие в сложных условиях. Культура может служить критерием для принятия правильных решений. Простой пример: некрасивые строения в городе губят экономику туризма. Поэтому мы должны и можем настаивать и добиваться выполнения государственных обязательств. Государство обязано содержать культуру – это первая обязанность. Точнее, не первая, а вторая; первая – безопасность, поэтому для самих учреждений культуры в условиях кризиса возникает риск стать объектами очередных попыток захватов. В России мало кого привлекает прибыль меньше 100%. У людей, привыкших к большим доходам, возникает ощущение, что где-то лежат большие сокровища, которыми хорошо бы поживиться. Найдётся много желающих эти сокровища контролировать и на них зарабатывать. Так было десять лет назад, когда появились совместные предприятия. Бизнесменам, тогда казалось, что они умеют лучше управлять.

Чтобы избежать ошибочных решений, нам необходимо обратиться к опыту, полученному от предыдущих кризисов. Такой опыт есть у экономистов, когда крупные фирмы использовали кризис. Есть несколько способов, как его можно использовать. Например, известно, что в эпоху кризиса можно смягчать, а также менять законодательство. Вот это и хотелось бы сегодня обсудить.

Нам в своё время повезло, что в перестроечное время достаточно быстро были приняты законы о культуре, начало формироваться законодательство о культуре. Но потом пришли другие времена, появились новые, более строгие законы, где оказалось много противоречий и возникли разные препятствия.

Что, на наш взгляд, мы можем предпринять?

Во-первых, надо разъяснять нашим коллегам, которые занимаются законотворчеством, что те права, связанные с культурой, которые есть в Конституции и в документах Правительства Российской Федерации, обязывают власти всех уровней осуществлять контроль, сохранять и развивать культуру и культурные учреждения страны.

Есть целый ряд документов, которые должны были быть приняты Министерством культуры, но до сих пор не приняты. В частности, знаменитая Инструкция по учёту и хранению музейных предметов, которую мы столько лет ждём. По этому вопросу ведётся сейчас совместная работа Министерства культуры с Союзом музеев России, что очень важно. Ведь до сих пор законы не учитывали реальный опыт, который имеется у музеев, и позиции сторон.

У нас не определены ещё многие понятия, в частности, «культурная ценность». Это понятие во всех документах трактуется по-разному. Следует отметить, лингвистические вопросы крайне важны, о них мы уже сегодня говорили.

Пока мы будем говорить «услуга», никакого культурного развития у нас

не будет. Пока мы будем говорить о музейных предметах – «товар», мы никогда не получим нужного закона. Следовательно, к музейному предмету – товару – будут предъявляться такие же требования, как к другим товарам, чего нельзя допустить.

Пока мы будем говорить «сокровища» – вот так же эмоционально, как о больших деньгах, ничего хорошего не будет, а только будут стимулироваться криминальные действия вокруг музея, а их очень много.

Пока мы будем говорить «отрасль» – тоже ничего хорошего не будет. Всё-таки культура – это не отрасль, этот тот уровень, который выше обычной арифметики. Культура – это Этика, поскольку создаёт определённый настрой, атмосферу в обществе, при которой люди с удовольствием трудятся. Второе – собственная Экономика культуры: за счёт оказания услуг, привлечения общественных средств. Все музеи мира прилично зарабатывают. И, наконец, третье – в какой-то мере культура (и музеи в том числе) служит эталоном для принятия решений.

То же самое в вопросе «собственности» – это тоже опасное слово, потому что за этим стоят и частная собственность, и государственная собственность, но на протяжении истории человечества собственность на предметы культуры была ограничена. И это уже общечеловеческий закон, по которому распоряжаются в сфере культуры. Государство тоже не имеет права собственности, его задача – сохранить и передать культурное наследие следующим поколениям. Шедевр не принадлежит ни нам, ни кому-то другому, потому что это – шедевр.

Следующие документы – Инструкция по учёту и хранению музейных предметов, и документы, связанные с экспертизой, таят в себе конфликты между частным предпринимательством и музеями. Документов, которые бы эти вопросы верно разъясняли, нет. Документы в Государственном музейном каталоге так запутаны, что действительно возникает вопрос: «А нужен такой каталог или нет?». Во всяком случае, почти ничего в этом направлении не сделано, только сейчас начинается работа. Потому что это не панацея – создать каталог Государственного музея.

Наказание за преступление в сфере культуры имеет очень малый, короткий срок давности. Это не значит, что имеется в виду срок давности, когда можно украсть много миллионов долларов и потому по сроку давности ничего не происходит. Но можно украсть предметы культуры, а срок давности будет очень короткий. В то время как срок давности на собственность внуков и правнуков на картины Малевича существует очень долго. Преступления против культуры должны приравниваться к самой высшей категории преступлений против человечества.

Ещё одна проблема – таможня и таможенные правила. Я постоянно «плаваю» между законами и подзаконными актами, и мне всё это не нравится. Сегодня частное лицо может ввезти купленную вещь в Россию, не платя таможенных пошлин. А музей должен платить! Мы нашли выход,

но каждый раз это отнимает громадное количество времени, каждый раз надо получать разрешение.

У нас много противоречий с Гражданским и Бюджетным кодексами. Например, по Бюджетному кодексу: у нас пытаются отнять внебюджетные средства - то, что является единственным экономическим рычагом, который позволяет музеям нормально существовать и жить. Вообще, музейные законы иногда воспринимаются как законы «второго сорта», но возникающие противоречия должны как-то разрешаться. Про 94-й Федеральный Закон просто повторю то, что я уже говорил: этот закон безумно вредный, этот закон расходный, этот закон очень взяткоёмкий.

Но, как уже неоднократно говорилось, из некоторых тупиков есть выход. Министерством культуры РФ уже внесены предложения по поправкам. Есть ещё несколько законопроектов о внесении поправок и в Государственной Думе.

Союз музеев России представил свой законопроект с поправками в 94-й Закон. Мы просим исключить большую часть того раздела, где такой «громкой формулировкой» звучит «государственный заказ», потому что за этим стоит очень много проблем.

Мы обсуждали на заседании рабочей группы вопрос, связанный с заповедниками. Ввиду разных «ходов» как в больших законах, так и в малых нам нужно предпринять необходимые шаги для того, чтобы закрепить имущественные права.

Из разных сложностей можно извлечь положительные результаты. Вы знаете, что идёт глобальная проверка наших коллекций, но параллельно идёт, формируется программа по сохранению Музейного фонда. Мы представили свои предложения, которые были приняты за основу, и теперь будем работать над этой программой, чрезвычайно важной для нас.

Недавно состоялся «круглый стол» Комитета Государственной Думы по культуре, на котором выступили разработчики закона, и стало ясно, что мы мыслим не только по-разному, но и совершенно различно воспринимаем то, для кого и для чего готовится закон. Представители МЭР-Та с восторгом говорили о том, что его смогут и будут применять теперь мелкие предприниматели. Действительно, в нем есть положительные моменты, но это реформа создаёт возможность для некорректного, недостаточного умелого отношения к музейной культуре, а это вредно!

В законе определена общая экономическая тенденция, когда одновременно с некоей свободой для мелкого бизнеса в культуре (одновременно!) появляются жёсткие условия контроля за нашей работой. Табаков заявил: «Вы не только не даёте возможности работать, но и ко мне в карман лезете!»

Таким образом, сейчас идёт жёсткая борьба за экономическую основу нашей деятельности, потому что у культуры есть свои права, и они могут

не совпадать с правами и частного бизнеса, и с правами театральных деятелей, и с другими правами. Об этом мы тоже не раз говорили.

В заключение хотелось бы сказать о том, для чего нам нужно работать с законами и для чего мы получаем некую санкцию, чтобы эту работу продолжать. Самое главное - это наши социальные программы. Мы играем огромную роль в просвещении людей, посещающих наши музеи. И это должно обязательно сохраняться в деятельности музеев.

При этом мы должны чётко представлять, куда уходят деньги, где мы можем получать деньги.

У нас должно измениться представление о VIP-клиентах. В основном они не платят денег, а во всём мире - наоборот, платят очень много денег. Так должно быть и у нас.

Мы должны «доходить», «доносить» до общества нашу историю и культуру. В мире используются самые разные виды связи, поэтому и мы должны иметь интерактивную связь, а значит, обеспечить себя и общество законами той степени независимости и автономии, которая необходима музеям. За 15 лет у музеев выросли показатели не только «пользы», но и «живучести», «выживаемости». В прошлом кризисе сначала все растерялись, потом засучили рукава и принялись за работу. Музеи превратились в центры культуры, досуга, идеологии, коммерческой деятельности...

Учреждения культуры давно научились превращать проблемы в возможности. Важный момент - наличие опыта. Надо только не забывать, что всё это мы уже проходили. Недавно с одним из западных коллег мы говорили о том, как хорошо, когда есть опыт, ты знаешь, что такое кризис и как себя вести. Для Запада кризис - ситуация новая, она сильно ударяет по меценатским программам. Мы хорошо развили систему доноров, но она составляет небольшую часть наших денег. На Западе - другое соотношение, там сейчас сильно сокращаются программы. В какой-то степени это даже неплохо, музеи начинают делать выставки из собственных коллекций. Для нас это всегда было важным принципом, не связанным с деньгами. У Эрмитажа большая часть выставок делается из своих коллекций. Коллекции громадные, их надо показывать публике.

Когда был первый кризис, мы учились у западных коллег, как добывать средства. Теперь они учатся у нас.

С одной стороны, газеты, телевидение сейчас нагнетают обстановку, с другой, - нас уверяют, что ничего особенного не происходит. Ясно, что будет трудно. Особых условий нам никто создавать не будет. Думаю, надо исходить из того, что нечто подобное мы однажды проходили. Надо жить так, как жили прежде. Стараться делать своё дело хорошо. Бессмысленно стонать и рыдать. Нищему подают мало. Успешному, но нуждающемуся в помощи, дают значительно больше.

Пока не всё понятно, как действовать в условиях кризиса, но нужно использовать ситуацию в интересах культуры, поддерживающей людей и экономику.